

ЖЕНЯ КОБАЛЬТ

БОГДАН

16+

Женя Кобальт Богдан

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67236054
SelfPub; 2022*

Аннотация

Богдану почти тридцать, а он так и не понял, существует ли для него Бог. Внезапные ночные путешествия по собственным воспоминаниям приблизили его к заветной истине. Но сможет ли он изменить свою безбожную жизнь?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	8
Глава 3.	11
Глава 4.	14
Глава 5.	17
Глава 6.	21
Глава 7.	25
Глава 8.	32
Глава 9.	36
Глава 10.	40
Глава 11.	43
Глава 12.	44

Женя Кобальт

Богдан

Глава 1.

Когда Богдана спросили, верит ли он в Бога, тот усмехнулся и уже было смирился с очередной шуткой, спровоцированной редким именем. Однако пристальный взгляд собеседника юмора не предполагал. Вопрошавший недоумённо изучил выражение лица Богдана и явно смутился. Разговор тогда не заладился, но в памяти Богдана запечатлелись те внимательные глаза и странный, сосредоточенный тон. Богдан привык к насмешкам со стороны одноклассников, которым посчастливилось быть наречёнными Иванами, Александрями и Даниилами, и вопрос о религии бессознательно прикрепился к имени и рефлексии не устаивался.

Сейчас же Богдан сидел на кухне и разглядывал мягкие закатные лучи солнца, пролившиеся на потолок. Когда мыслительный процесс запустился, а в памяти возник тот самый внезапный разговор, Богдан попытался обозначить свои воззрения со всей возможной серьёзностью. Однако ответов не нашлось. Слова комкались и не хотели выстраиваться в предложения, голова ныла и вскипала – ясности так и

не прибавлялось. Богдан с отчаянием пришёл к выводу, что к приближавшемуся третьему десятилетию своей жизни он так и не понял, существует ли для него Бог, и из какого религиозного писания Он прибыл. Почему-то стало грустно и тревожно – если Бог есть, то он, вероятно, покарает Богдана за бездействие, но если Бога нет – то дальнейшую жизнь он проведёт в глобальном заблуждении. Если рай действительно существует, то бояться смерти не имеет смысла. Если рая нет – можно не бояться ада. Истина ускользнула, спрятавшись на недоступной кромке сознания.

В конце концов умственная работа утомила Богдана. Он выпил остывший ромашковый чай из пакетика, проводил солнце до самого его захода и направился в спальню. Здесь окна выходили на восток, потому пространство уже окрасилось в синеву подступавшей ночи. Стало неудобно. Неудобно в просторной комнате с серыми стенами и в необъятном незнакомом мире. Внезапно Богдана настигло страшное осознание, пугающее в том числе и потому, что доньше его никогда не посещало. Около десятилетия он жил один, в пустой опостылевшей квартире. Около трёх десятилетий лет он жил один, на враждебном непонятном свете. Богдану стало себя жаль, ему показалось, что возможная цель его жизненного пути безвозвратно стёрлась. Хотя как может исчезнуть то, чего никогда и не было? Он решил, что возьмёт завтра отгул от работы, залез в поскрипывающую кровать и как следует укутался в одеяло, желая спрятаться от внешнего и внутрен-

него холода.

Заснуть не выходило, и мысли, принесённые внезапным вечерним порывом, нещадно гложили его утомлённую голову. В глазах рябело, но, привыкшие к темноте, они вяло выхватывали из сумрака отдельные предметы. Вот давно вышедшие из строя часы, за починку которых он всё не мог взяться; вот дремлющая сейчас лампа – единственный источник света в помещении; вот фотографии на стенах, такие неестественно яркие и словно бы чужие. Богдан забыл, что у него было какое-то прошлое. Всё его существование замыкалось на бессмысленном моменте, не имевшем причин и последствий. Сейчас он особенно остро ощутил, что ни одно воспоминание ему не принадлежало, и будто бы всё, что предшествует этому неуловимому мгновению – лишь загруженная в мозг чужая жизнь. Запечатлённые на фотографиях лица, притворные и незнакомые, изучали его каждодневно, а он их и не замечал. Ему показалось чем-то невероятным, что они сохранились и продолжили висеть на стенах: пёстрые, несочетаемые оттенки нарушали господствующий дома минимализм, однако при взгляде на них возникало какое-то навязанное ностальгией тепло.

Нередко мысли о Боге приходят в тот момент, когда на душе особенно горько. И в такие периоды даже неверующий ненароком задумается о Нём в ожидании Его утешения. Когда Он не видит своё изнывающее от боли и агонии творение, то это самое творение, не получившее ни намёка на помощь,

ещё крепче убеждается в бессмысленности веры. Примерно это и ощутил Богдан. Он, по имени особенно сроднённый с Богом, ожидал каких-нибудь привилегий, при условии, что Всевышний всё-таки существует. «Богом данный» ворочался на кровати, и сон уверенно обходил его стороной. Богдан сделал над собой усилие и постарался прийти к ответу самостоятельно, обратившись к памяти, на пыльных, неприкосновенных полках которой притихли воспоминания. Нигде, кроме как в себе, ответа не найдётся. Он расслабился и опустил веки.

Глава 2.

На улице господствовал суровый январский мороз, он щипал лицо и пытался проникнуть мне под капюшон, но, к моему счастью, безуспешно – мама укутала меня в вязанный шарф и до самого носа застегнула молнию куртки. В парке возвышаются громадные сугробы, всюду разбрелись и замерли оголённые деревья. Я всё смотрел на их вытянутые когти и ждал, когда эти несуразные существа перестанут стесняться людей и снова оживут. Мама, встретившись со мной взглядом, ласково улыбнулась. Папа немного отставал от нас, он что-то бурно обсуждал со своими друзьями и периодически заливался смехом. Мне было радостно.

Мы подошли к белоснежной церкви. Она чудно вписалась в зимний пейзаж, озарённая полуденным солнцем. Ненадолго остановившись, мы замороженно её осмотрели и затем протиснулись внутрь. Меня обдало приятным насыщенным запахом, и вмиг стало теплее. Мама помогла мне раздеться, вынула длинную белую рубашку и крестик на золотой нитке. «Ты же помнишь молитву, которую мы вчера учили? Может пригодиться», – мягко сказала она. Конечно, я помнил. Вечером ранее я расхаживал по комнате и разучивал «Отче

наш». Процесс зазубривания из памяти стёрся, и казалось, будто молитва поселилась в моей голове. Я надел крестильную рубашку и принялся разглядывать её жемчужный лоск, такой необыкновенный в мягком свете.

Мы вышли из тесного притвора и оказались в основном помещении церкви. Вокруг было много высоких людей, они переговаривались, держали младенцев, кто-то фотографировал, пожилые женщины в пёстрых платках воодушевлённо перешёптывались и жестикулировали. Стены были покрыты изображениями приятных лиц. Всюду сияла позолота, она освещалась тусклыми свечами и озаряла душу приятным чувством. Мне понравилась эта скрытая от города роскошь. Вдруг среди гула прозвучал знакомый голос: «Я буду твоим крёстным отцом». Я разглядел своего дедушку, по настоятельной просьбе которого меня когда-то и назвали Богданом, и улыбнулся ему в ответ. Его морщинистое лицо в этом мягком освещении казалось особенно умиротворённым. Впрочем, всё вокруг выглядело приятным и восковым.

Толпа начала сгущаться, и я наконец разглядел то, что находилось посередине помещения. Громадная, как мне тогда показалось, чаша со святой водой поблёскивала отполированными боками. Священнослужитель дождался тишины и начал неясное мне действие. Я не обращал особенного внимания на то, что тогда происходило; беспокоило скорее предчувствие и моего неизбежного участия. Ждать пришлось недолго, и уже скоро мы с дедушкой стояли около

священника. Он опустил руку в чашу, и, коснувшись моего лба, промолвил что-то невнятное и таинственное. Уже через несколько мгновений у меня на груди висел крест. Было как-то неловко, трепетно и страшно. Помещение насыщалось густым маслянистым запахом и плотным туманом. Я посмотрел на свой крестик – он висел на золотистой нитке и был поразительно тонким. Небольшого усилия было бы достаточно, чтобы его согнуть, однако я бы не осмелился так поступить. Возникло ощущение, будто за это время, проведённое в церкви, я что-то приобрёл, и дело было не только в крестике. Я начал чему-то принадлежать. Дедушка взял меня за руку, мама одобрительно поцеловала в щёку, и мы вместе направились домой.

Я решил, что отныне почитаю одного единственного Бога, Иисуса Христа.

Глава 3.

Мы с дедушкой, глубоко верующим человеком, сидели в гостиной и говорили.

– Ты думаешь, что Христос действительно существует? – спросил я.

– Я не просто так думаю, я верю, а значит, для меня он точно существует, пускай я и не вижу его так, как вижу тебя я или как видишь меня ты, – дедушка задумчиво улыбнулся.

– А ты с ним общаешься?

– Конечно, – его лицо озарилось покоем и добротой. – Я общаюсь. Через молитву.

– А как это делать? – поинтересовался я. Понятнее не становилось.

– Перед тем как уснуть, подумай о Боге и мысленно отправь ему послание. Поблагодари за то, что принёс тебе этот день; попроси у Него прощения, если обидел кого или проказничал; пожелай чего-нибудь, если искренне того желаешь. И в конце не забудь сказать «аминь».

Этой же ночью я молился. И никогда в моих мыслях не было такого явного, осязаемого монолога. Адресат, правда, не удостоивал меня ответом и не посылал никаких знаков, что мои молитвы не обращены в никуда. Но я продолжал. Просил прощения, если днём солгал, благодарил за хорошее

настроение и появлявшиеся иногда хорошие оценки. Желал, в основном, игрушки – о них я мечтал и глядя на падающие звёзды, и при совпадении часов и минут на циферблате, и при бое курантов. опытом делился с братом – тот также практиковал ночные молитвы по наставлению бабушки.

Так что теперь всегда, перед тем как нагрянет сон, в голове моей звучало слово «аминь».

Однажды, расположившись поуютнее на тёплой детской кроватке, я задумался. С Богом, вероятно, говорит очень много народу, ведь если я в него верю, то как можно верить в кого-то ещё? И вдруг пред моим мысленным взором возник темнокожий худой мальчик в оборванной одежде. Его окружала сухая пустыня с обезвоженной почвой и голыми деревьями. Он был печален и бессилён. Я представил, как он голодает и мучается от жажды, а к ночи, расположившись на охлаждённой земле, дрожит и просит у Бога немного воды, а после всё равно благодарит Его за возможность жить.

Потом я увидел ослепшую девочку. Её белые глаза не успевали высыхать, постоянно наливаясь отчаянными слезами. Она не могла осознать, что мир для неё потух навсегда, что лица навсегда стали еле очерченными пятнами, и ей больше не удастся вкусить красоту окружавшего её мира, которую она упорно не желала замечать, имея превосходное зрение. Но что-то потеряв, мы только об этом и мечтаем. Потому она молилась и горестно просила Бога о том, чтобы тот позволил ей увидеть и вспомнить лицо матери, на тот

момент выглядящее как очередной размытый силуэт.

Дальше я увидел горющую об утрате семью. Печалиться уже не получалось, и каждый молча существовал, бродил бесцельно и без интереса. Весь мир напоминал о потере, и боль создавала в горле невыносимый ком. Ночи у каждого проходили без сна, иногда удавалось заплакать, хотя по ощущению жизненный запас слёз был уже давно исчерпан. Они не просили у Бога вернуть родного человека. Они желали пробудиться от этого кошмара или хотя бы убедиться в том, что ему хорошо на небе.

А я просил игрушки и хорошие оценки. Я взваливал на Бога свои мелочные ничтожные желания и жаловался, что жизнь моя омрачена спорами с родителями и отсутствием всех тех незначительных вещей, которыми мне хотелось обладать. Я почувствовал себя жадным. Мои проблемы показались мне незначительными и глупыми, и стало стыдно просить Бога о том, чтобы он привнёс что-то в мою жизнь, в жизнь, о которой, вероятно, мечтала внушительная часть человечества.

И я подумал, что произносил имя Бога напрасно.

Вскоре я перестал и молиться.

Глава 4.

– Пап, а расскажи про какую-нибудь болезнь, – в очередной раз прогулка началась именно с этих слов. Мы с братом не без любопытства его слушали, но нам, как всегда, одного заболевания не хватало, и мы возвращались домой осведомлёнными сразу в нескольких страшных болезнях.

Мой податливый ум с интересом впитывал научные телепередачи, мультфильмы и статьи в журнале Гео. Дополнительные занятия по астрономии увлекали меня куда больше, чем нудные параграфы учебника по основам духовно-нравственных религиозных культур. Учителя дополнительных занятий по астрономии, Андрея, мы называли Сэнсэем или Сударем Андреем. Он был молод и заинтересован в преподавании и нравился всем ученикам без исключения. Вычисления массы звёзд чередовались с изучением небесных тел через компьютерную программу, показывавшую расположение космических объектов в реальном времени. Через год или около того занятия прекратились, и Сэнсэй перестал преподавать в нашей школе.

Но меня всё ещё увлекал космос и то неизведанное и неосознаваемое, что находится наверху. В один особенно светлый день, когда солнце мягкими лучами пробиралось сквозь сгустившееся облака, я вспомнил Бога. Очень кстати

рядом был отец.

– А как ты думаешь, Бог существует? – я посмотрел на отца. На его лице вырисовывалась озадаченность.

– Я верю в науку. Ни одна религия не может логичнее описать создание мира, причиной которого является Большой взрыв.

– Это тоже как религия. И Взрыв – твой Бог, – в шутку сказал я.

– Интересная гипотеза, – отец усмехнулся. – Это называется атеизмом. Я атеист, следовательно, в существование Бога не верю. А там уже первопричину по-разному называть можно.

Я ненадолго задумался и решил, что и я буду атеистом. Мне понравилась возможность веры в науку, и я не мог её не отделять от религии. Всё чаще я разговаривал с отцом на эту тему, и ему, видно, нравилось, что я перенимаю его взгляды. Теперь я самодовольно восклицал, что только верю в науку, чувствуя себя разумным и трезвомыслящим человеком, чей взгляд не затуманен беспочвенной верой. Крестик я уже не носил.

Отец всячески меня подбадривал и поощрял мои наблюдения. Однажды он включил программу, во время которой журналист, здорово осведомлённый в науке, беседовал со священником. Зрелище это было смешное. На твёрдые аргументы собеседника верующий не высказал ни одной внятной фразы, а на вопрос «если Бог создал каждое существо для

какой-то цели, то зачем он создал тараканов?» священнослужитель так и не сумел дать разумного ответа. Мы с отцом дивились рассудительности журналиста, и это была увлекательная битва интеллекта и ведомого книжкой человека. Под конец папа сказал: «Это, конечно, весело, но для веры доказательства не обязательны». Я тогда не вдумался в эту фразу, но она мне, несомненно, запомнилась. Внутри что-то пошатнулось, и я убедился в том, что мои атеистические воззрения не такие прочные, какими доньше мне казались. В голове поселились сомнения.

Глава 5.

Я часто ездил со старшим братом и его одноклассниками во всевозможные путешествия. Им повезло с классным руководителем, и вместе мы побывали в нескольких российских городах и домах отдыха. Было преддверие нового года, последние числа декабря, и в этот раз мы держали путь в Подмоскowie, предварительно сняв трёхэтажный домик на вечер и утро следующего дня. Ехали по протяжённой эстакаде, свернули на неприметном повороте и нас приняла сельская узкая дорога, обильно припорошенная и окаймлённая сугробами. Мелькнул замёрзший пруд, и за ним выросла скромная белая церковь. Минувя понурые домики, мы наконец оказались у пункта назначения. Это был дачный коттедж со скатной черепичной крышей. Выйдя из машины, я заприметил одноклассников брата. Брат тоже вышел и принялся деловито со всеми здороваться. Несмотря на то, что старше меня они были всего на два года, мне было страшно кому-нибудь пожать руку. В этом возрасте ощутима любая разница, и мне в тот период почему-то было стыдно рассказывать, что я всё ещё учусь в начальной школе.

Замешкавшись, я всё-таки поздоровался с приятелями

брата и вошёл в дом. Пространство оказалось на удивление большим. Высокий потолок, камин посреди гостиной, стены из деревянных досок, висевшие на них олени чучела и лоснящиеся шкуры. Всё это немного пугало, и дом приобретал облик охотничьей хижины, украшенной к новому году.

Приезжало всё больше людей. Они шумели, разговаривали, включали музыку и находили себе развлечения в этом просторном уютном доме. Был организован тайный Санта с заранее подготовленными подарками. Мне досталось две книги по психологии – мой брат посодействовал однокласснице и подсказал, что бы мне могло прийтись по вкусу. И это было приятно, ведь психология меня увлекала, хотя я понимал, что эти книги, вероятно, пролежат нетронутыми долгие годы.

Все постепенно осваивались, и к ночи дом был уже хорошо изучен. Одной из самых интересных находок стал крытый бассейн, находившийся в пристройке, подобной зимнему саду. Было темно и тепло, сквозь мутные окна виднелось ночное небо. Самые безумные элементы класса заняли бассейн и с задорным визгом прыгали в воду. Меня это зрелище не очень заинтересовало, и я продолжил бесцельно блуждать по комнатам.

Я зашёл, как мне показалось изначально, в пустую комнату, однако и там расположилась компания – девочки делали вечерний макияж своему однокласснику. Наблюдаемая картина меня немного смутила, и на предложение также побыть

моделью я был вынужден ответить категорическим «нет», и вскоре покинул помещение.

Чувства были смутными. Притворное веселье бодрило, но шум и гул изнуляли голову. Я чувствовал себя чужаком, проникшим на чей-то праздник. В голову проникали тоскливые мысли, и мне подумалось, что я и вовсе зря сюда приехал. Я начал спускаться по лестнице, обременённый скукой и отсутствием всякой надежды найти хоть какое-то утешение в бесконечно тянувшейся ночи, но мои терзания словно были услышаны. На одной из картинных рамок, висевших на стене, я заметил икону. Даже не икону, а саму что ни на есть иконку – она была около трёх сантиметров в длину и двух в ширину. Я её взял, но в тот же миг неподалёку услышал шорох, и, не желая быть замеченным, скрылся с место преступления в опустевшей пристройке с бассейном. Да, я украл икону, мне было совестно и стыдно, но мне показалось, что она излучает свет. Я принялся её изучать, расположившись на бортике бассейна. Изображённая святая была облачена в зелёное, и руки её были сложены в характерный христианский жест. Не без усилия я разобрал расположенные по бокам от неё надписи – «Св. Блаженна Матрона». В последствии я узнал, что это была Матрона Московская, исцелявшая людей и, как многие верили, помогавшая избавиться от грехов. Она была в поблёскивавшей золотистой рамке, и с другой стороны, в четырёх прозрачных отсеках, перекатывались какие-то мелкие белые камушки, полу-

прозрачные осколки и что-то напоминавшее маленький кусочек верёвки. Это было до невероятного таинственное и великолепное зрелище, и я в полном понимании греховности своего поступка решил её приютить и не возвращать на место.

Ветер проникал в дом и дотрагивался до лазурной воды в бассейне. Начинало светать. Воздух был тёплым и ласковым, и ощущалась его густота. На душе было пусто, но то была пустота очищающая. Я сидел с иконой и увлечённо её разглядывал. Меня гложило осознание, что я её украл. Но мысли были туманны и невнятны, и я с жадностью и восторгом, с одухотворённостью и восхищением радовался находке, и почему-то мне казалось, что и она радуется новому знакомству. Во мне всё ещё оставалась вера.

Глава 6.

Старшая школа сулила возникновение преинтереснейших знакомств.

С Дианой нас свела любовь к музыке и литературе. Она была старшеклассницей, но всегда относилась ко мне на равных. Диана была словно тенью, блуждавшей по школьным коридорам. Заметил я её внезапно, и не мог потом не замечать. Она ходила преимущественно в чёрном, и на переменах не занималась ничем, кроме как погружением в музыкальный или литературный эскапизм: её одиночество разделяли книга и наушники. Меня она сразу заинтересовала, но долгие месяцы я проходил мимо и молча кидал беглый взгляд. Однако предлог для начала общения всё-таки нашёлся, и мы стали лучшими друзьями. Внезапно к ней проснулось и более глубокое чувство, но его я начал подавлять почти сразу же, как только в нашей компании появился Дмитрий. Тогда я понял, что у меня нет никаких шансов.

Дмитрий был роковым красавцем и опытным сердцеедом с непростой судьбой и богатыми верующими родителями. Он одевался элегантно, обильно жестикулировал, курил тонкие сигареты и великолепно пел. Дмитрий был на пару лет

младше Дианы, но на те же пару лет старше меня. У всех он вызывал неременный восторг. Мне нравилось разглядывать его гиперболические руки и изящные белые пальцы, походившие, скорее, на тонкие когти, способные и искалечить, и приласкать. Я доверял Дмитрию, правда всячески его оправдывал, перед самим собой в том числе.

В тот вечер, на кануне рождества, Дмитрий позвал меня и Диану на ночную службу, во время которой его родители должны были петь в церковном хоре. У меня не возникло никаких сомнений, и я твёрдо решил, что поеду. Встретились мы ближе к одиннадцати вечера у его дома, громадного муравейника под тридцать этажей. Ехали на машине родственников Дмитрия, всю дорогу шептались и посмеивались – каждый наш разговор изобиловал понятными только нам шутками. Позади оставались серые московские улицы, и мы вскоре оказались в самом центре города. Там и притаилась гостеприимная церковь.

Мы зашли внутрь. Меня охватило восхищение, обыкновенно настаивавшее в церквях: насыщенный шлейф ладана, плотный, густой воздух и душевное спокойствие. Дмитрий ушёл с родителями вглубь, а мы с Дианой принялись рассматривать иконы. Мне необыкновенно нравился запах и сам вид тонких церковных свечей, их естественное благоухание и изящные восковые капли. Мне нравилось дорогое, но при том чистое и естественное оформление икон, разбрызганная по стенам позолота. С Дианой вновь возник разговор

о религии, но вскоре к нам присоединился Дмитрий, осведомивший нас, что служба скоро начнётся. И действительно: люди стеклись ближе к алтарю, вышел священник, занял свои позиции хор. Дым ладана распространился по всему помещению, толпа покорно предалась тишине, и глубокий бас священника раздался в церкви. Ему податливо отвечал многоголосный хор.

Это было великолепно. Великолепно до того момента, пока всё не поглотила отвратительная духота. Голова заныла, и накатила слабость. Возникло ощущение, что мне недалеко и до обморока, но вскоре пришла помощь в лице Дмитрия. «Может сбежим?» – Он сказал это шёпотом, но предложение было настолько внезапное и смелое, что, казалось, прозвенело колоколами. Однако его услышали только я и Диана, и мы без возражений выбрались наружу.

Центр Москвы не спал, пускай господствовала поздняя морозная ночь. Воздух был свеж и прозрачен, и отдалённые многоэтажки виднелись так же ясно, как расположившиеся по обеим сторонам улицы старые аккуратные домишки. Дмитрий повёл нас по переулкам и уютным дворам, и вскоре мы вышли к детской площадке, слегка запорошённой снегом. Особо крупные сугробы были покрыты ледяной корочкой и приятно хрустели под ногами. Мы втроём расположились на качелях, представлявших из себя подвесную конструкцию из толстой сетки. Было тесно и смешно, накатывало чувство упоения нашим бунтарством и юношеской сме-

лостью. Время близилось к двум часам ночи, и всех по обыкновению одолело желание пооткровенничать. Диану мучали мрачные мысли, и она никак не могла найти покоя. Дмитрий сполна получал испытаний судьбы, и они, казалось, были расплатой за красивую и наполненную жизнь, какой она казалась со стороны. Мне было больно за него и за Диану, и я стыдился своего простого и лёгкого существования, и будь моя воля – я бы с упоением перенял их стенания на себя.

В ту ночь мы покинули церковь и приоткрыли друг другу свои храмы, пыльные и беспорядочные. Через время мне стало стыдно, что в такую редкую возможность со всей моей одухотворённостью и зарождавшейся религиозностью я покинул священные стены и предался чему-то пылкому и земному. Эти монологи, пронизанные честными неожиданными историями, показались мне лишёнными всякого смысла. Я одновременно ощущал себя эгоистом, при том страдал от внезапного отягощения своей души. Я никак не мог им помочь и был абсолютно бессилён. Отчаяние мною овладело, когда мы лежали втроём на качелях, делились болью, вглядывались в звёздное небо и тёмные силуэты зданий. Перед мысленным взором вновь представал образ священника, и слышалась протяжная песнь хора – даже раз в год я не смог посвятить Господу достаточно времени. В тот момент мне показалось очевидным, что Он существовал и во мне непременно разочаровался.

Глава 7.

В определённый период моей жизни сновидения стали единственной возможной отрадой. И обыкновенно мне не хотелось засыпать по ночам лишь потому, что за сном непременно последует пробуждение. Однако во всех деталях и подробностях мне запомнился всего один сон, страшный сон, к которому я нередко обращался и который я упорно оживлял в памяти. И до того он представлялся мне реалистичным, что я всячески сомневался в трезвости своего ума, считая целесообразным когда-нибудь изолировать себя от общества.

«Я стою перед зеркалом. На мне серо-оранжевая куртка, плотно прилегающая к пивному животу, лицо покрыто небрежной синеватой щетиной, под глазами очерчены глубокие мешки. Я знатно постарел. Редкие волосы скрыты под шапкой. Мои руки нелепы. Правую кисть поперёк пересекает шрам. Мне неприятно от своего вида, но я к нему привык. Мерзкая наружность питаема чёрствой больной душонкой, и мне не по себе от того, насколько трезво и несомненно я это осознаю. Вскоре отражение мне осточертело, и я отвернулся от зеркала и оказался посередине маленькой захламлён-

ной комнаты с постсоветским духом, расположенной на пятом этаже. Я в очередной раз оглядываю бежевые узорчатые обои, хлипкую двуспальную кровать с бордовым лоснящимся покрывалом, тусклый жёлтый свет лампы и захламлённые углы. Неуютно и одиноко здесь находиться. Благо, у меня есть планы, не предполагающие пребывания в этой конуре.

Сегодня запланировано утреннее посещение больницы. Никого в этом мире у меня не осталось, и если я замкнусь на обществе самого себя, то долго протянуть не сумею. В больнице чисто и светло, и её обитатели обыкновенно скучают, если состояние позволяет им скучать. Мне нравится их утешать и успокаивать, слушать их истории и проронить слезу на неожиданные откровения. И больные ценят моё присутствие и охотно выговариваются. Меня в больнице хорошо знают, без колебаний впуская в палаты.

Я шаркал ногами по блестящему белому полу, поднявшись на третий этаж больницы. Ко мне подошла София, медсестра с приятной внешностью и детской лёгкой походкой. Её чёрные кудри как всегда сильно пахли духами. Она известила меня, что сегодня в седьмую палату прибыл новый больной. Я поблагодарил Софию за предоставленную информацию, она кротко улыбнулась и поспешно удалилась. За ней потянулся ароматный шлейф.

Меня всегда интриговали новенькие. О их трагической судьбе свидетельствуют только травмы, раны и диагнозы, пока они сами не захотят облачить в слова пережитое. Конеч-

но, открываются не все, но расположить к себе большинство мне всё-таки удаётся.

Мимо меня проехал на инвалидной коляске Аркадий Борисович, пожилой мужчина, лишившийся ног из-за обвала в шахте. Он проработал там три десятилетия и горевал даже не от потери конечностей, а от тоски по грубому физическому труду. Такую историю он рассказывал неделю назад. За пару дней до того отсутствие ног Аркадий Борисович обуславливал военной службой. В прошлом же месяце причиной послужила ужасная авария. Бывали истории и про болезни, маньяков и поезда. Из-за склероза и беспокойного больного ума произошедшее покрылось завесой тайны, и оставалось только предполагать. Аркадий простодушно мне улыбнулся и поехал дальше по коридору.

Я заглянул в девятую палату. Пребывающая там Ульяна, девушка семнадцати лет, помахала мне. Раньше она долго молчала и не хотела со мной говорить. Я не давил на неё, но старался её к себе расположить, утешал и всячески лелеял. Почему-то при виде Ульяны мне становилось спокойнее, словно бы я её уже знал и возвращался к старой знакомой. Она тут около двух недель, и с неделю назад мы наладили контакт, подолгу разговаривали о жизни вне больничных стен, о прошлой жизни. На неё, как оказалось, было совершено покушение, и многочисленные переломы – результат бегства от преступника, проследившего за ней и её похитившего. В тот злополучный вечер он затащил её в квартиру,

предварительно нанеся удар в тёмном переулке, и собирался удовлетворить себя ещё одним убийством. Когда он отвлёкся на поиски верёвки, Ульяна прыгнула с пятого этажа, и, невзирая на переломы, добежала до ближайшего прохожего, способного вызвать скорую помощь. Тогда она не думала о полиции и о судьбе напавшего. Он был в балаклаве и в чёрном длинном дождевике. Ему удалось быстро скрыться с места преступления, а потому его личность так и не удалось установить. Ульяна потом призналась, что мой силуэт напомнил ей того убийцу – потому она боялась и сторонилась меня. Но вскоре списала это на паранойю и неловко улыбнулась, прося у меня прощения. Тогда мне стало не по себе.

В палате номер восемь живёт Павел. Он почти не разговаривает и много спит. Всё его лицо замотано бинтами, не прячущими разве что глаза, и на руках видны ожоги. По всей видимости, вымолвить слово ему больно, и потому его история мне неведома. Я нечасто к нему захожу. Но если уж и решаюсь, то мы молчим, и он неподвижно сидит на своей койке, пожирая меня взглядом.

Я наконец добрался до седьмой палаты, постучался и вошёл. Больной лежал спиной ко мне, зарывшись по уши в одеяло, и разглядывал запорошенные снегом верхушки сосен в окне. Я застыл в ожидании какой-то реакции, но в тишине слышны были только хриплые вздохи новенького. Я поздоровался. Внезапно дыхание смолкло, и больной повернулся

ко мне. Это был худощавый мальчик с короткой стрижкой. В его глазах я прочитал страх. Он вскочил с койки, и на его шее обнажился окровавленный бинт. Почему-то в голове закружилось имя Саша, и я с тревогой понял, что его так и зовут, хотя раньше нам встречаться не доводилось. Он попятился, кинул взгляд мне на руку и закричал. Это был страшный, сдавленный крик, более походивший на шипение. Две медсёстры услышали доносившиеся из палаты звуки и уже были на месте. Они взяли под руки больного и постарались его уложить, но он извивался и шипел, своей худой фигурой напоминая змею. По просьбе медсестёр я покинул палату, но вдогонку услышал его слова: «Это он, он меня душил! Я помню шрам на руке!» Меня окутала паника, и я побежал к выходу из больницы.

Бред. Какой из меня убийца?

После я долго блуждал по переулкам и подошёл к дому, когда стало совсем темно. В квартире было зябко и по обыкновению неуютно. Я всё думал о произошедшем в больнице. Мне захотелось покурить, хотя от этой привычки я избавился с десятков лет назад – в какой-то момент потребность исчезла сама собой. Я почему-то был уверен, что в тумбочке, куда я не заглядывал очень давно, должны были быть сигареты. И действительно: там они и оказались. Под опустошённой наполовину пачкой лежала чёрная тетрадь. Её я ранее не видел, и мне она показалась незнакомой. Я списал это на алкоголь и частые провалы в памяти, из-за которых целые

дни, а иногда и недели, оставались недоступными мне воспоминаниями. Трясущимися руками я взял тетрадь и открыл её на случайной странице. Чёрными чернилами был выведен аккуратный текст.

«Происшествие 55.

Он, видимо, возвращался из школы. Я посмотрел на его худощавую фигуру и меня пробрала жалость. И желание убивать. И второе, к его сожалению, преобладало. Он шёл запутанными путями домой, завернул в посёлок и направился к пруду. Я знал, что сегодня мне предстоит охота и потому взял моток проволоки. Мальчик остановился и принялся разглядывать уток. Он взял гравий с берега и начал кидать камушки в птиц. Я подошёл к нему, сказал, что обижать животных плохо. Он смутился, но прекратил. Я улыбнулся и сказал, что тоже таким был в детстве. Я спросил, как его зовут. Он оказался Сашей. Потом я спросил, являются ли люди животными, и на его лице нарисовалось недоумение. Я поправил шарф, скрывающий моё лицо, и достал из сумки проволоку. Приговаривая, что я надеюсь, что он не обидится, я схватил его за плечо и накинул проволоку ему на шею, начав его душить. Он пытался закричать, махал руками и медленно синел. Я почти сделал своё дело, но издали послышался гул, и я оставил Сашу на земле. Четвёртый неудачный случай после Аркадия, Паши и Ульяны. Что ж, навещу Сашу в больнице, если он выживет».

Я застыл. Это точно было написано моей рукой. Я пролистал тетрадь, нашёл много имён и галочек около тех, с кем удалось расправиться окончательно. Нашёл Аркадия Борисовича – он был седьмым. Страшно расписывать, как я лишил его ног, но из-за болезни он не мог опознать нападавшего в лице меня. Сарай Павла и его самого я поджёл где-то посередине своего дневника. Ульяна находилась ближе к концу. В тетрадь была вложена справка о диссоциативном расстройстве личности, помятая и пожелтевшая от времени. Я не мог в это поверить, но всё становилось на свои места – пропадающие из памяти дни, крики Саши, посещение больницы. Я так и не понял, каковы были мотивы моих визитов и зачем я успокаивал своих же жертв, но я пришёл к осознанию, что я самый настоящий убийца. Психопат, лишаящий людей жизни. Шизофреник. Убийца. Безумец, решивший, что может распоряжаться судьбами.

Я лёг в постель и понял, что завтрашний день будет уже не под моим контролем».

Глава 8.

Мне становилось хуже.

Всё, что генерировало мое сознательное и бессознательное, вызывало у меня отвращение, а нелепая кожаная обложка провоцировала стыд.

Я начал понимать, что я отличаюсь от всех в негативном ключе в тот момент, когда двое одноклассников, формировавших сливки класса, позвали меня на школьный двор.

– Здорова, Богдан. Мы с Андреем тут заметили, что на физре ты неплох в вышибалах, но бросок слабоват. Не хочешь его потренировать? – Герман, накаченный и статный паренёк, подозвал меня к себе.

– О, ого, с-спасибо... Я б-бы с радостью... – Я отвечал неловко и не верил, что удостоился внимания самых спортивных и крепких ребят в параллели.

– Ну ты чего, не стесняйся, иди сюда. Встань напротив меня, я буду кидать мяч, а ты лови, – меня окликнул высокий худощавый мальчик с крысиными глазками, Андрей.

Я подошёл. Встал напротив него в стойке с полусогнутыми ногами, ощутив, как на моём лице вырисовывается воодушевление и напряжение. Андрей взял хорошо надутый

волейбольный мяч с земли и замахнулся. Он по прямой траектории полетел мне в лицо, и я успел только зажмуриться. Больно. Мяч отскочил и полетел к земле.

– Ой, п-простите, мне надо размяться немного, сейчас всё будет, – когда я поднял глаза на Андрея и Германа, отряхнув с лица грязь, я увидел их гримасы и мне стало по-настоящему страшно. Они смеялись.

Ещё бросок, и снова в лицо. И ещё один, туда же. Сколько бы я не старался, мяч летел прямо в меня, и это просто не могло быть случайностью. Они это делали специально. Андрей кидал мяч Герману, и тот целился мне в лицо. Герман передавал мяч Андрею, и тот также направлял его в мою сторону. Они смеялись и уже скоро принялись кричать: «Жирдяй! Жиробас! Лови же, давай, в чём проблема?»

Я посмотрел на себя по-новому, с отвращением и неприязнью. С каждым годом ненависть к себе вцеплялась всё крепче в мою жизнь. Я никогда не был доволен собой и желал стать кем угодно, только бы не видеть своё отражение в зеркале и не мириться со своим ничтожеством. Я принялся сравнивать себя с другими и решил быть лучшим во всём, чтобы не отчаиваться окончательно. Но и это утешения не приносило.

Помнится мне, как в классе седьмом я ходил на баскетбол, и примерно на пятом месяце занятий нам устроили настоящее соревнование между двумя группами баскетбольной школы. Толпа школьников, человек шестьдесят, с вооду-

шевлением встретила именитого баскетболиста, приглашённого тренером для проведения маленького чемпионата. Было много игр, и одна из них – небезызвестная «американка» или что-то на её подобии. Я ни на что не надеялся, но послушно встал в колонну. Попасть следовало в корзину с линии штрафного броска. При промахе игрок выбывал, и игра продолжалась до последнего участника. Вроде ничего сложного, и я пока неплохо справлялся. Вскоре из шеренги исчезли все мои товарищи по команде, постепенно уменьшалось и общее число игроков. В какой-то момент помимо меня осталось всего несколько человек, а потом и вовсе двое – я и мальчик лет десяти. Настала моя очередь, и, вероятно, мой финальный бросок. Я замахнулся, бросил мяч... и промазал. Лицо исказилось в неловкой улыбке поражения, и я уже собирался отойти, как мой ликующий соперник забросил мяч и также не попал. Мне был дан ещё один шанс, завершившийся триумфом и сладкой победой.

Награждён я был майкой того знаменитого баскетболиста с его подписью, и я видел зависть в глазах столпившихся ребят. Было приятно, и мне показалось, что я даже стал увереннее в себе. Однако стоило мне выйти на улицу и направиться по заснеженным переулкам домой, как меня охватила тоска, чувство собственного ничтожества и безразличия, и я заплакал.

Помимо того, я стал отличником, и теперь каждая полученная четвёрка ужасно ранила и злила меня. Я занимал

призовые места на олимпиадах, но не мог отделаться от синдрома самозванца. Я влюбил в себя несколько человек, но так и не стал опытным сердцеедом. Я сбросил немало кило, но вокруг обязательно попадались стройные накаченные тела. Я принялся много читать, но находились и те, по сравнению с которыми мои мысли, словарный запас и кругозор были отвратительно мелкими и незначительными. Моё существование уподобилось игре в пакмана – я успешно преодолевал виражи лабиринта и поглощал приличное количество точек, однако, стоило мне расслабиться или отвлечься, как приведения комплексов и тревог стирали меня в порошок и возвращали к самому началу игры.

Иногда разум подкидывал невзрачные намёки, что все эти мысли безосновательные, что я ложно обвиняю себя в мелочах и не даю себе права на ошибку, но внутренний голос имел больший контроль над моими мыслями и твердил, что я обязан испытывать вину и ограничивать себя от незаслуженного счастья. Я смирялся, закапывался и сочувствовал окружающим, что они меня видят и им приходится меня терпеть.

Глава 9.

Но всё-таки в моей жизни появился свет, и этим светом была Света.

Она училась в одиннадцатом классе и была меня старше на пару лет. Наше знакомство, причиной которому послужило задорное настроение и посиделки в такой же раззадоренной компании, было спонтанным и скомканным. Случайное сообщение разделило мою жизнь на «до» и «после».

Наше общение начало стремительно развиваться, и для меня это было непонятно – Света была умна не по годам, и казалось, будто бы опережала меня на десятилетия. Она была и до невозможного красивой, по крайней мере так мне казалось – у неё были длинные русые волосы, пронзительные серые глаза и чудесная спортивная фигура. Мы часто сидели в школьной библиотеке, и я смотрел, как её тонкие пальцы перебегают по клавишам фортепиано. Её игра была невероятна, и единственное, чего я боялся, когда Света воодушевлённо подходила к инструменту, так это того, что в этот раз я точно не сдержусь, дам эмоциям волю, и она увидит мои слёзы.

Света много говорила. И я только и хотел её слушать, вся-

кий раз пугаясь окончания диалога и не находя слов на достойный ответ. Мы подолгу размышляли, вернее сказать, она размышляла, а я слушал, и мне думалось, что я не достоин её размышлений, что я не тот слушатель, которого она заслуживает. Когда в голове Светы ткалась нить размышления, я любовался тем, как её изящные черты усиливались возвышенной задумчивостью и взглядом, направленным в недоступное мне никуда.

Я понял, что влюбился. И произошло это быстро и само собой – будто бы рядом с таким человеком невозможно не поддаться этому пленительному и болезненному чувству. Вся моя жизнь зиждилась на наших встречах, и я становился зависимой переменной в одном большом научном эксперименте, где она являлась независимой, на меня неизбежно влиявшей.

Около неё я чувствовал себя ничтожеством, хоть и понимал, что истинное светлое чувство на ненависти не строится. Мне было стыдно за свою корявую речь, за необразованность и непонимание искусства, за приземлённые недалёкие мысли, за дряхлое ноющее тело, за хорошую жизнь, которую Свете, со всеми её тяготами и испытаниями судьбы, иметь бы не помешало. Я без конца удивлялся, почему Света тратит на меня время. Она определённо была одной из тех, кто у противоположного пола пользовался несомненной популярностью, и каждый раз, когда мы вместе проходили по школьным коридорам, практически каждый ученик, будь

то старшеклассник или младшеклассник, доброжелательно с ней здоровался.

Я сделал из Светы идола или даже бога, и моё безумие любовью назвать было сложно. По ночам мне чудился запах её духов, и несбыточные фантазии, возвышенные и чистые, провоцировали обжигающие слёзы. Я готов был всюду за неё плестись, и записывать каждое слово, как Прохор, последовавший за Иоанном на остров Патмос. Конечно, я понимал, что божество взаимностью мне не ответит, потому привык к молчаливому созерцанию и постоянной тоске. Когда я видел Свету с другими, когда узнал о её новых отношениях, меня не поглотила ревность и мерзкая злоба, я лишь с печалью ей улыбался и довольствовался крупинками её внимания, редкими лучами живительного времяпрепровождения. Меня охватывала неловкость от того, что я проникся к ней чувством земным, и я был готов возводить алтарь и писать иконы, лишь бы не пренебречь её существом. Но со всей своей проницательностью она словно бы этого не замечала и вела себя привычно, по-дружески, и я как смерти боялся выдать что-то лишнее, сказать глупость и предстать низким, жалким человеком, каковым я себя на деле и считал.

Но Света вскоре пропала из моей жизни – её поглотили будни в институте, и сообщения оставались без ответа не на пару дней, как это было ранее, а на несколько томительных недель. Я так и не смог никого по-человечески полюбить, и моим единственным объектом восхищения оставался образ

Светы.

Глава 10.

Но самым ярким чувством, не покидавшим меня все эти годы и тревожащем в момент этого занимательного путешествия по прошлому, было ощущение затянувшегося кинофильма. В нём я неизбежно оставался второстепенным персонажем, завистливо наблюдавшим за главными героями. Режиссёр наделил их занимательными ролями, выделил достаточно экранного времени, прописал длинные реплики и обеспечил пестрящими кинокадрами, а я будто не был даже героем второго плана. Я был, скорее, в числе самой обыкновенной серой массовки.

Через пару лет Света дала о себе знать и раскрылась мне с иной стороны. Пришло осознание, что никто нас в этом мире понять и услышать не сможет лучше, чем мы друг друга. Я подрос и возмужал, и перестал быть в её глазах забавным мальчиком из младших классов. Мы стали парой, и долгое время я не мог поверить в происходящее. Я всё ещё её боготворил, но теперь обладал новыми привилегиями и возможностями, положенными мне по статусу её бойфренда.

Мы делали всё то, чем промышляли иные влюблённые в фильмах и книгах, но чуть меньше томились в иллюзиях и

чуть больше смеялись над неправдоподобностью мира, в котором нам довелось родиться. Мне было весело и больно, потому как с каждым напоминанием о сюрреалистичной сути жизни я чувствовал себя героем второго плана. Света всё также поражала меня своими мыслями, жила в постоянной динамике и переменном настроении. Она ослепительно сияла и утопала глубже возможного. Она терпела испытания и виражи судьбы. Она существовала в творчестве и в нём, несомненно, преуспевала. И внезапно я застал себя за жалкими размышлениями: я невероятно завидовал и при том считал себя дополнением к ней, пустом при разлуке и питаемым при встрече. Света была лучше меня во всём, воодушевлённо учила меня всему и при надобности вразумляла. Она учила меня кататься на коньках, посадила за фортепиано, познакомила с гитарой и постоянно исправляла мои речевые ошибки. Я же прослыл Светиным искусственным другом, и полнотой жизни был обязан её рассказам и событиям, переживаемыми ею. Мне и вовсе начало казаться, что я пропадаю, отключаюсь от сервера и наблюдаю за её существованием в реальном времени. Я начал понимать, что без неё, без главной героини, моя жизнь не имеет смысла.

Но с бессмысленностью мне свыкнуться пришлось – мы расстались спустя несколько месяцев отношений. В тот зябкий вечер мы пришли к Свете домой, оба печальные, задумчивые и ужасно уставшие. Света сидела на кровати в своей комнате и молчала. Я подошёл к ней, расположился рядом и

аккуратно её обнял. Никакого ответа я не удостоился: Света сидела всё также, холодная и неподвижная, как мраморная статуя. И я, ранее упивавшийся каждым прикосновением, ничего не ощутил. Я отдалился и поймал на себе её взгляд, чрезвычайно пустой и безжизненный. Я не почувствовал ни жалости, ни боли, ни отчаяния при виде её бледного, изнурённого лица. Она отвернулась. Вскоре произошёл наш последний диалог. Мы оба поняли, что любить на деле не умеем.

Глава 11.

Богдан впервые посмотрел на циферблат настенных часов. Они мирно постукивали и показывали четвёртый час ночи. На глаза Богдана навернулись слёзы, и он понял, насколько грешной и пустой была вся его жизнь. Он вспомнил Бога и решительно попросил у него прощения. Впервые за долгие годы Богдан помолился. Все те воспоминания, скомканные и местами нелогичные, послужили толчком для долгожданного судьбоносного озарения. Богдан, как ему показалось, понял всё. О жизни, о смысле, о Боге. Он осознал, что Бог был с ним всегда, правда в ином облики, не антропоморфном, как ему ещё казалось сегодняшним вечером. Он просто не мог больше жить своей прежней жизнью, и множество истин вертелись в его голове. Завтра всё изменится, и крепкий сон, после таких масштабных для одной головы осознаний, всё закрепит. Богдан воображал уже своё пробуждение и то, как листы бумаги заполнятся несомненной правдой. Он специально заготовил пустые страницы и положил их на тумбочку у кровати, чтобы не забыть о ночном путешествии по собственной голове.

Глава 12.

«Как утром вспомнить то, что важно?»

– Жадный дельфин

Богдан проснулся позднее обычного – была бессонная ночь и раскалывалась голова. Он взглянул на часы, а затем перевёл взгляд на тумбочку, на которой лежала стопка белой бумаги. Богдану показалось, что ему приснился какой-то важный сон, но чем дольше он думал о нём, тем сильнее растворялся его осадок. Богдан понял, что такой тяжкий мыслительный процесс ни к чему не приведёт и вскоре смирился с очередным провалом в памяти. Почему-то ему вспомнилась молитва, которую он разучивал более двадцати лет назад, и он принялся нараспев её проговаривать. Богдан потянулся, застелил кровать и начал торопливо собираться на работу. Утро было на удивление светлым, и сквозь густые облака пробивались лучи ослепительного солнца, ознаменовавшего начало нового дня.

17 февраля 2022 года